

Таким образом, по завершению этого этапа, можно отметить, что налоговая система Республики Беларусь сформирована налоговыми платежами, адаптированными к применению в рыночной экономике. Это позволяет сделать вывод о завершенности этапа реформирования налогообложения, характерного для стран с переходной экономикой.

Основной целью нового этапа налоговой реформы (начался с 2015 года) по-прежнему остается создание макроэкономических условий, обеспечивающих формирование социально ориентированной, инновационной, конкурентоспособной на мировом рынке, наукоемкой национальной экономики Республики Беларусь, ориентированной на устойчивый экономический рост и повышение качества жизни белорусского народа. Больше внимание уделяется совершенствованию институтов обеспечения налоговых отношений.

Востребованность разработки концепции институциональной реформы налоговой системы в посткризисной экономике, адекватно отвечающей природе современных фискально-имущественных отношений, с одной стороны, и вызовам системного мирового финансового кризиса - с другой, определяется необходимостью изменения подходов во взаимоотношениях между субъектами налоговых отношений.

Концепция ориентирована на повышение качества предоставляемых налоговых услуг на основе: расширение государственных услуг в области налогообложения; увеличение количества электронных налоговых сервисов, переход на взаимодействие налоговых органов с плательщиками через создание Центров приема и обработки информации по обслуживанию налогоплательщиков. Качество предоставляемых налоговых услуг предусмотрено приблизить к международным стандартам.

Немаловажным для этого этапа является активное использование IT-технологий в налоговой сфере. Развитие электронных технологий является основным ресурсом в улучшении качества налогового администрирования и получения налоговых услуг, как следствие сокращения трудозатрат со стороны плательщика и государства. Во всем мире это основная и наиболее популярная тенденция развития налоговых взаимоотношений «бизнес-государство», так же актуальной она остается и для Республики Беларусь.

УДК 332.1

РЕГИОНАЛЬНЫЙ РОСТ И РАЗВИТИЕ: ЭКСПРЕСС-ОБЗОР НОВЫХ И ТРАДИЦИОННЫХ ТЕОРИЙ И КОНЦЕПЦИЙ

Фатеев В.С., д.э.н., проф.

*Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,
г. Гродно, Республика Беларусь*

Ключевые слова: региональный рост, развитие, теории, концепции, цикличность развития.

Реферат. Представлены результаты экспресс-обзора литературы по региональной экономике и экономической географии, содержащей результаты обобщения и классификации различных теорий, концепций и подходов к изучению регионального роста и развития. Анализируются положения работ, опубликованных Р. Капелло, П. Ниджкампом, Ю.А. Гаджиевым, а также экспертами ПРООН, Всемирного Банка, Европейской комиссии, ОЭСР и других международных организаций. Рассмотрены наиболее часто используемые в научной литературе по региональной экономике и экономической географии, а также применяемые публичными органами в практике регулирования регионального и городского развития теории, концепции и подходы, в том числе: концепция устойчивого развития, кластерная концепция (или кластерный подход), концепция «разумной (умной)» специализации. Отмечается сохранение актуальности использования в качестве методологии совершенствования региональной политики в различных государствах методик регионального форсайта, концепции развития «снизу» и «сверху», теории «полюсов роста», подхода к изучению региона/города как квазигосударства и квазикорпорации. Акцентируется внимание на необходи-

мости активизации исследований, связанных с анализом экономической динамики и, в частности, цикличности в развитии регионов и городов.

В последние 10 – 15 лет в теоретико-методологическом арсенале региональной экономики и экономической географии происходят динамичные и очень интересные изменения, которые активно анализируются и систематизируются учеными-регионалистами из самых разных стран. Начиная этот экспресс-обзор вполне уместно обратить внимание на несколько фактов. В 2008 г. Пол Робин Кругман (Paul Robin Krugman) – американский экономист и публицист – получил Нобелевскую премию в области экономики за выполненный им анализ моделей торговли и проблем экономической географии. П. Кругман является одним из основателей т.н. «новой экономической географии» и, между прочим, корни этого экономиста с мировой известностью находятся в Беларуси – родители родом из Брест-Литовска.

Годом позже под эгидой Всемирного банка и под явным влиянием научных идей Кругмана, выходит Доклад о мировом развитии 2009 (далее – Доклад ВБ), опубликованный под весьма символическим заголовком «Новый взгляд на экономическую географию» (иной вариант перевода – «Реформируя экономическую географию») [1]. В нём внимание политических, академических и деловых кругов различных стран мира акцентируется на широком спектре проблем развития человеческих поселений и региональных образований с целью активизировать дискуссии в мире о позитивных и негативных последствиях территориальной концентрации производства и населения, придать новый импульс политическим дебатам о целесообразности «сбалансированного роста», обеспечивающего устойчивое развитие. По утверждению авторов этого доклада, на протяжении последних двух столетий города, миграция и торговля были основными катализаторами прогресса в развитом мире, и эта история имеет все предпосылки для повторения в развивающемся мире, более того, уже повторяется в Китае и Индии – наиболее динамично развивающихся странах этой группы.

В Докладе ВБ на основе сравнений по многим странам и регионам мира отстаивается идея о том, что в отдельных из них ощутимый прогресс в развитии достигнут в результате переосмысления и поддержки трансформаций по трем генеральным направлениям экономической географии или своеобразного рассмотрения этой науки в 3D-измерении с позиций: 1) обеспечения более высокой плотности (density), которая рассматривается экспертами ВБ как «экономическая масса на единицу площади земли»; 2) сокращения расстояния (distance), которое понимается не столько как категория Евклидовой геометрии, сколько в экономическом аспекте, как устранение в пространственном аспекте различных экономических барьеров на пути товаров, услуг, труда, капитала, информации; 3) ослабления разделения (division) между странами, регионами, поселениями, которое также связано с не только с преодолением государственных и других административных либо физико-географических (реки, горы и т.п.) границ, но и экономических (таможенных, визовых и др.), языковых и иных барьеров [1, с. 47–121].

Под влиянием указанных выше взглядов, регионалисты из многих стран мира активизировали научные исследования по систематизации и типологизации как традиционных, «старых», так и новых теорий, концепций и подходов в области региональной экономики и экономической географии. В частности, Роберта Капелло (Roberta Capello) – известная итальянская исследовательница, профессор региональной экономики из Политехнического университета Милана, в нескольких своих публикациях, ряд из которых подготовлен в соавторстве с не менее известным голландским экономистом Питером Ниджкампом (Peter Nijkamp), профессором экономики Амстердамского свободного университета, уделяет внимание систематизации всего теоретического наследия, которым сегодня обладает, оперирует и предлагает практике публичного регулирования регионального развития такая научная область, как региональная экономика.

По мнению Р. Капелло, все теории региональной экономики можно представить в виде схемы, показанной в табличном виде ниже. Подходы к характеристике пространства, используемые в различных теориях и представленные в таблице 1, требуют некоторого пояснения. Так, «*физико-метрическое*» (*physical-metric*) *пространство* понимается как обычное, физическое или физико-географическое, в котором местоположение и распределение экономической деятельности определяется главным образом с помощью анализа зависимости транспортных издержек от физического расстояния.

«Однородно-абстрактный» (*uniform-abstract*) подход к исследованию пространства заключается в том, что географическое пространство делится на «регионы» (чаще всего соответствующие административно-территориальным единицам), рассматриваемые как внутренне однородные, т.е. гомогенные или универсальные (*homogeneous or uniform*) по физико-географическим характеристикам зоны, которые также могут различаться между собой по ряду агрегированных социально-экономических и других характеристик. В терминологии международной торговли такие регионы могут рассматриваться как «малые страны», однако, в отличие от национальных экономик, хозяйственная система любого региона характеризуется более открытым характером с точки зрения движения факторов производства [2, с. 37].

При «разнообразно-относительном» (*diversified-relational*) взгляде на пространство последнее уже не рассматривается как совокупность однородных, гомогенных ареалов, а представляется как множество, состоящее из разнообразных, диверсифицированных регионов. Акцент в исследованиях делается на изучении отношений между экономическими субъектами внутри этих регионов. Макроэкономический подход в региональных экономических исследованиях заменяется анализом поведения этих экономических субъектов на «микротерриториальном» или зональном уровне.

Таблица 1 – Схематическое представление теорий размещения, регионального роста и локального развития (по Р. Капелло)

Теории	Теории размещения	Теории регионального роста	Теории локального развития	Теории локального роста
Особенности	Физико-метрическое	Однородно-абстрактное	Разнообразно-относительное	Разнообразно-стилизованное
Пространство	Выявление (идентификация) рыночных зон и производственных зон	Выявление факторов, определяющих региональный рост	Выявление факторов, определяющих местное развитие	Выявление факторов, определяющих местный рост
Цель теорий	Количественная и качественная	Количественная. Постоянный эффект масштаба	Качественная. Постоянный эффект масштаба	Количественная. Возрастающий эффект масштаба
Содержание, природа теорий	1940-е годы	1950-е и 1960-е годы	Середина 1970-х годов	1990-е годы и позже
Годы замысла, зарождения идеи	Теории выбора размещения промышленного производства (А. Вебер, 1909; Э. Гувер, 1933; А. Лёш, 1954). Распределение земли между производителями и населением: теории выбора места размещения производства и расселения (И.Г. фон Тюнен, 1826; В. Алонсо, 1960). Иерархия систем расселения (В. Кристаллер, 1933; А. Лёш, 1954) и др.	Кейнсианские теории регионального роста (Д. Норт, 1955). Неоклассические теории регионального роста (Г. Бортс и Дж. Стейн, 1960) и др.	Внешние факторы территориальной конкурентоспособности: теория полюсов роста (Ф. Перру, 1955); роль транснациональных факторов на региональное развитие (М.Бломстрём и А.Кокко, 1988); теория диффузии инноваций (Т. Хегерstrand, 1952); регионы знаний (Б.-А. Лундвалл, 1992) и др.	Модель кумулятивной причинности (Г. Мюрдаль, 1955 и Н. Колдор, 1970). «Новая экономическая география» (П. Кругман, 1991). Модель эндогенного роста (Р.Лукас, 1988, П. Ромер, 1986) и др.
Основные теории и их авторы				

Источник: [3, с. 5] с некоторыми сокращениями.

При таком подходе также происходит отказ от понимания региона как части национальной экономики, действующей как единая и внутренне однородная подсистема. Пространство такого региона в публикациях различных авторов занимают индивидуальные экономические акторы (крупные и малые, государственные и частные, мультинациональные и местные субъекты хозяйствования), чьё поведение изучается с позиций выбора ими места размещения производства, их производственной и инновационной способности, конкурентоспособности, а также отношений с местной и мировой экономическими системами. Использование «разнообразно-относительного» взгляда на пространство требует отказа от региональных исследований на краткосрочную перспективу и рассмотрения факторов, определяющих поддержание конкурентоспособности в соответствующем локальном образовании, на протяжении более-менее длительного периода времени, т.е. использование арсенала регионального прогнозирования и программирования [2, с. 38; 3, с. 3, 11].

Наконец, **«разнообразно-стилизированный» (diversified-stylized) подход к рассмотрению пространства** использован в самых последних теориях локального роста. В центре их внимания находится концентрация экономической деятельности вокруг специфических «полюсов развития». Однако в этих теориях сами полюса представляются как некий единый пункт, в отдельных случаях – раздвоенные пункты (абстрактные дихотомии). При анализе экономической деятельности вокруг «полюсов развития» не принимаются в расчёт ни физическо-географические особенности самих пунктов или дихотомий (например, морфология ландшафта, физический размер рассматриваемого пункта), ни территориальные отличия (например, место данного пункта в системе административно-территориальных единиц, экономических и социальных отношений) [2, с. 42-43].

Проанализировав уточнения, направления модернизации научных представлений и другие проявления изменений различных теорий и концепций размещения, регионального (локального) роста и развития, Р. Капелло указывает на две наиболее общие тенденции в их эволюции: 1) теоретические подходы становятся всё более реалистичными, применимыми на практике, а не оторванными от последней, т.е. представляющими чисто научный интерес; 2) переход от рассмотрения региональных вопросов на определенный момент к изучению регионального роста и развития как сложного, многогранного процесса, т.е. переход от статике к динамике в региональных исследованиях [2, с. 4; 4, с. 316]. И ещё одна тенденция, о возможности проявления которой в ближайшем будущем более осторожно высказывается Р. Капелло, заключается в том, что между всеми выделенными в таблице 1 группами наблюдается конвергенция, обогащение одних теорий и подходов другими [4, с. 328].

В публикациях по регионалистике, появившихся в последние годы, можно встретить другие типологии и классификации теорий размещения, регионального роста и развития. В частности, из представленных в русскоязычных изданиях, следует выделить графическую систематизацию основных направлений и школ теории регионального экономического роста, выполненную Ю.А. Гаджиевым в статье «Неоклассические и кумулятивные теории регионального экономического роста и развития» [5]. Во всём многообразии теорий регионального роста Ю.А. Гаджиев выделяет следующие пять групп: 1) основанные на производственной функции неоклассические теории; 2) т.н. «теории кумулятивного роста», которые представляют собой некий синтез экономико-географических, неокейнсианских и институциональных моделей; 3) новые теории регионального роста, акцентирующие внимание на возрастающей отдаче от масштаба и несовершенной конкуренции; 4) базирующиеся на формировании новых форм территориальной организации производства – промышленных и региональных кластеров, экономику знания, обучения, национальную и региональные системы инноваций; 5) другие теории, которые объясняют частные вопросы регионального роста.

Остановимся на краткой характеристике некоторых из наиболее востребованных и относительно новых теорий, которыми оперирует современная региональная экономика как наука.

В качестве первой из научных концепций, которая в последнюю четверть века получила (безоговорочно) всемирное признание и поэтому очень близка к завершению своего формирования в достаточно стройную научную теорию, следует выделить **«концепцию устойчивого развития»**. На ключевых положениях именно этой концепции базируются основные

стратегические документы, разработанные крупнейшими международными организациями на межгосударственном уровне. Например, Программой развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) с 1990 года ежегодно публикуются глобальные доклады о человеческом развитии, в каждом из которых раскрываются те или иные стороны или изменения понятия «устойчивое развитие». В частности, в последнем глобальном Докладе о человеческом развитии за 2016 год, опубликованном под названием «Человеческое развитие для всех и каждого», показано, человеческое развитие в мире происходит очень неравномерно, не устранена обездоленность людей, возникли новые трудности, связанные с неравенством, климатическими изменениями, эпидемиями, миграцией населения, экстремизмом с применением насилия и т.д. [6, с. 1–9].

Применительно к регионам, городским и сельским поселениям концепция устойчивого развития на протяжении уже около трёх десятилетий активно используется другими международными организациями, например, Всемирным банком. Из последних инициатив ВБ, в частности, можно выделить «Глобальную платформу для устойчивых городов» (*Global Platform for Sustainable Cities – GPSC*), о которой в марте 2016 г. в Сингапуре заявил представитель Глобального экологического фонда (*Global Environment Facility – GEF*). Реализацией этой инициативы с финансированием порядка 1,5 млрд. долл. США в 11 развивающихся странах займется Всемирный банк в партнерстве с рядом региональных банков, ПРООН, и ЮНИДО [7].

Концепция устойчивого развития активно используется в качестве методологического каркаса для подготовки большого количества официальных документов, разрабатываемых на национальном уровне. Из большой серии таких документов стоит выделить Национальную стратегию устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года [8].

Из более поздних теорий, моделей и концепций, определяющих методологию поддержки регионального и городского развития в последние годы, следует также выделить **кластерную концепцию (или кластерный подход)**, а также **концепцию «разумной (умной)» специализации**.

Следует согласиться с мнением экспертов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), которые резонно отмечают тот факт, что кластерная концепция появилась не на абсолютно пустом месте, её истоки хорошо просматриваются в теории сравнительных преимуществ Д. Рикардо, а также в известной работе А. Маршалла «Принципы экономической науки» [9, с. 25].

В русскоязычной литературе при сравнении различных форм территориальной организации производства нередко хорошо просматриваются параллели между современными кластерами и территориально-производственными комплексами (ТПК), которым в прежние десятилетия было уделено очень много внимания в советских публикациях по региональной экономике (см. более подробно [10]).

Интересен ещё один отмеченный специалистами факт: в самом конце прошлого века во многих странах кластерная концепция активно эксплуатировалась в качестве рабочего инструмента при определении перспективных направлений государственной политики, которая часто так и обозначалась – «кластерная политика». Затем в литературе четко просматривалась своеобразная «кластерная усталость» (*cluster fatigue*): кластерная политика вышла из политической моды. Однако в более поздних публикациях тех же авторов отмечается, что как на национальном, так и на региональном уровне кластерный подход продолжает использоваться при разработке официальных политических документов в ряде государств, хотя сформулированным в них положениям уже не так часто дают название «кластерная политика» [9, с. 24].

Термин «разумная (умная) специализация» (*smart specialisation*) менее десяти лет назад буквально «влетел» в официальные документы различных институтов ЕС, прежде всего, Еврокомиссии, а уж потом обозначаемое этим термином понятие стало наполняться в различных научных публикациях конкретным содержанием, всё новыми характеристиками. Обычно с новыми экономическими понятиями всё происходит наоборот: сначала они входят и закрепляются в научном обороте, а затем переходят в экономическую и управленческую практику.

В ноябре 2009 Еврокомиссия опубликовала доклад «Знание для роста: европейские проблемы и политические вызовы» [11], подготовленный большой экспертной группой, имевшей созвучное название (*'Knowledge for Growth' – K4G*). В этом документе было впервые упомянуто понятие разумной специализации, в которое экспертная группа K4G вложила на первых порах вполне понятный и очень важный для устранения фрагментарного состояния Европейского научного пространства смысл – это способ или средство достижения финансируемых за счет государства исследований уровня мирового класса. В области исследований Европе необходимо обеспечить процесс создания условий для развития конкуренции и сотрудничества, способствующих появлению специализированных кластеров мирового уровня, т.е. условий, в которых, как называют экономисты, начнёт проявляться «агломерационный эффект» [11, с. 4]. Позже термин «разумная специализация» примерно в таком же значении появился в европейской стратегии разумного, устойчивого и инклюзивного роста «Европа 2020», в которой предусматривалось обеспечить такое преобразование национальных и (региональных) НИОКР и инновационных систем, которое будет содействовать появлению конкурентных преимуществ, разумной специализации, укреплению сотрудничества между университетами, наукой и бизнесом и т.д.

Концепция разумной специализации получила распространение в качестве современного и эффективного инструмента реформирования научно-исследовательской и инновационной политики, обеспечения её более тесной координации с промышленной, региональной, образовательной и другими видами государственной и супранациональной политики во многих странах Азии, а также на американском континенте. Вполне очевидно, что актуальность исследований по данному направлению региональной науки и практики в ближайшие годы будет сохраняться во многих странах. Представляется, что в Республике Беларусь она также может быть полезна при совершенствовании инструментария государственного регулирования развития белорусских регионов и городов.

Следует также отметить расширение практики использования среди зарубежных регионалистов различных методик регионального форсайта или предвидения (*regional foresight*) (см., например: [12 и др.]). Среди получивших признание в прошлые десятилетия и сохраняющих актуальность в современных условиях теорий и концепций регионального роста и развития также необходимо выделить: концепции развития «снизу» и «сверху», теорию «полюсов роста», подход к изучению региона/города как квазигосударства, как квазикорпорации [13]. Однако перечисленные выше и многие другие, безусловно, очень значимые для экономической науки и практики теории, концепции и подходы требуют более детального анализа, объемы которого не вписываются в рамки данной публикации.

Здесь же стоит обратить внимание на ещё одном очень большом блоке **теорий, концепций, подходов и научных школ, связанных с исследованием экономической динамики и, в частности, цикличности в развитии регионов и городов.**

Циклическая регулярность в развитии различных общественных систем уже давно интересует человечество. Начало изучения проблем экономической динамики в советской экономической литературе чаще связывалось с работами Н.Д. Кондратьева. Однако современными авторами отмечается, что в конце XIX – начале XX века природа проявления волновых колебаний в динамике различных экономических показателей интересовала многих специалистов, как предшественников, так и последователей Н.Д. Кондратьева, например, М.И. Туган-Барановского, Я. ван Гелдерена, М.А. Бунятына и др. [14, с. 189–190].

К сожалению, в советской экономической литературе в период существования СССР интерес к данной проблематике был значительно ниже и чаще односторонним, т.е. с ориентацией на изучение экономических циклов в рыночной экономике, но никак не в народнохозяйственном комплексе СССР.

В последнее время все более часто, в основном среди российских публикаций по региональной и городской экономике встречаются работы, в которых рассматриваются методологические вопросы решения актуальных проблем обеспечения устойчивого развития регионов и городов с учетом цикличности их развития и на основе использования теории жизненного цикла города (а также её модификации для региональных систем) для разработки всевозможных антикризисных региональных и муниципальных программ [15].

Вполне очевидно, что исследование отмеченных выше, а также ряда других, специфических для регионов и городов Беларуси вопросов обеспечения их устойчивого развития в условиях циклического развития мировой, национальной, региональных и локальных экономических систем является актуальным направлением развития белорусской экономической науки, и для его разработки в настоящее время в рамках государственной программы научных исследований на 2016-2020 годы «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» в качестве самостоятельного задания нами выполняется НИР «Разработка и обоснование стратегических направлений регионального развития, а также приоритетов государственной региональной политики в Республике Беларусь в условиях цикличности развития экономики».

Список использованных источников

1. World Development Report 2009: Reshaping Economic Geography / The World Bank. – Washington, D.C.: World Bank; London: Eurospan, 2009. – 383 p.
2. Capello, R. Handbook of Regional Growth and Development Theories / Ed. by R. Capello and P. Nijkamp. – Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing, 2009. – 529 p.
3. Capello, R. Location, Regional Growth and Local Development Theories / R. Capello // Aestimum. – 2011, June. – No. 58. – P. 1-25.
4. Capello, R. Regional Economics: Theoretical Achievements and Challenges / R. Capello // Timisoara Journal of Economics. – 2012. – Vol. 5. – Issue 18. – P. 313-335.
5. Гаджиев, Ю.А. Неоклассические и кумулятивные теории регионального экономического роста и развития / Ю.А. Гаджиев // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – Сыктывкар: СыктГУ. – 2008. – Вып. 1. – С. 6–23.
6. Доклад о человеческом развитии 2016. Человеческое развитие для всех и каждого / Пер. с англ.; Программа развития ООН. – М.: Издательство «Весь Мир», 2017. – 284 с.
7. World Bank and Global Environment Facility (GEF) launch new multi-million dollar 'Global Platform for Sustainable Cities' / The World Bank Group, March 9, 2016. – Mode of access: <http://www.worldbank.org/en/news/press-release/2016/03/09/world-bank-and-global-environment-facility-gef-launch-new-multi-million-dollar-global-platform-for-sustainable-cities>. – Date of access: 26.10.2016.
8. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года // Экономический бюллетень НИЭИ Минэкономики Республики Беларусь, 2015. – № 4. – С. 6–97.
9. OECD Reviews of Regional Innovation: Competitive Regional Clusters: National Policy Approaches. – Paris: OECD Publishing, 2007. – 296 p.
10. Фатеев, В.С. Кластеры, кластерный подход и его использование как инструмента регулирования развития национальной и региональной экономики / В.С. Фатеев // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 5. Эканоміка. Сацыялогія. Біялогія. – 2012. – № 2 (131). – С. 40–50.
11. Knowledge for Growth – European Issues and Policy Challenges / European Commission, Directorate-General for Research. – Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2008. – 31 pp.
12. Nazarko, J. Regionalny foresight gospodarczy. Metodologia i instrumentarium badawcze / J. Nazarko. – Warszawa: Związek Pracodawców Warszawy i Mazowsza, 2013. – 122 s.
13. Анимца, Е.Г. Городская политика: теория, методология, практика / Е.Г. Анимца, Н.Ю. Власова, Я.П. Силин; науч. ред. А.И. Татаркин. – Екатеринбург, ИЭ УрО РАН, 2004. – 306 с.
14. Коротаев, А.В. Кондратьевские волны в мировой экономической динамике [Электронный ресурс] / А.В. Коротаев, С.В. Цирель // Системный мониторинг. Глобальное и региональное развитие / Отв. ред. Д.А. Халтурина, А.В. Коротаев. – Москва: Либроком/URSS, 2010. – С. 189–229. – Режим доступа: http://cliodynamics.ru/download/M02Korotayev_Tsirel_KONDRATYEVSKIE_VOLNY.pdf. – Дата доступа: 15.08.2016.

15. Цапиева, О.К. Устойчивое развитие региона: теоретические основы и модель [Электронный ресурс] / О.К. Цапиева // Проблемы современной экономики. – 2010. – № 2 (34). – Режим доступа: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3140>. – Дата доступа: 21.08.2016.

УДК 330(476)

ОСОБЕННОСТИ НОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ВЫЗОВЫ ДЛЯ БЕЛАРУСИ

Богдан Н.И., д.э.н., проф.

*Белорусский государственный экономический университет,
г. Минск, Республика Беларусь*

Ключевые слова: промышленная революция, инновации, технологии, политика.

Реферат. *Распространение глобальных цепочек создания стоимости, повышение важности и актуализация капитала, основанного на знаниях, рост цифровой экономики способствуют развитию «следующей/новой промышленной революции». Страны должны воспользоваться случаем, чтобы использовать инновации для стимулирования экономического роста и создания рабочих мест. Возможности следующей промышленной революции требуют решения многих стратегических задач. Инвестиции в инновации и капитал, основанный на знаниях (интеллектуальный капитал), который представляет пакет инвестиций, включая НИОКР, программное обеспечение, большие данные, интеллектуальную собственность и организационные ноу-хау могут сделать существенный вклад в будущий рост производительности. Беларусь должна приспособиться к развивающимся бизнес-моделям, использовать в своих интересах процесс творческого разрушения, чтобы ускорить структурные изменения к созданию более сильного и более стабильного экономического будущего, которое создает рабочие места и возможности.*

Новые исследования ОЭСР о будущей производительности [1,2] выделяют два полярных мнения о вероятных будущих тенденциях в производительности, поэтому необходимо понимание того, какое из них ближе к истине, т.к. политики должны понять, как поддерживать драйверы будущей производительности, используя параметры политики. Ряд исследователей [3] считают, что замедление производительности - постоянное явление и что примеры инноваций, которые произошли в первой половине 20-го века (например, электрификация, двигатели внутреннего сгорания), намного более значительны, чем те, которые произошли с тех пор (например, Информационно-коммуникационные технологии – ИКТ). Технологические оптимисты [4] утверждают, что базовый уровень технологического прогресса не замедлился, и что ИКТ и последующие прорывы будут продолжать существенно преобразовывать мировую экономику. Исследования ОЭСР показывают, что наблюдается поляризация производительности, которая проявляется в том, что рост производительности фирм, находящихся на «глобальных границах производительности» (global frontier) остался относительно устойчивым.¹ Фирмы, расположенные на передовых позициях (global frontier), стали относительно более продуктивными в течение 2000-х, и обеспечивают рост производительности в среднем на 3,5 процентов в год в промышленном секторе, по сравнению со средним ростом производительности труда всего на 0,5 процентов для остальных фирм. Эти новые данные поднимают несколько связанных вопросов. Что стимулировало выдающиеся показатели фирм на глобальных границах производительности? В какой степени эти тенденции продолжатся? Почему отстающие фирмы не извлекли уроки из примера передовых фирм? Ответ может рассматриваться в двух аспектах: 1) степень, в которой самые продуктивные фирмы (национальные лидеры) в разных странах в состоянии извлечь выгоду из достижений фирм на глобальных границах; и 2) степень, в которой отстающие фирмы во

¹ В качестве фирм в «глобальных границах» определены 100 самых производительных фирм в каждой отрасли на каждый год.